

Б. Житков

Виктор Вавич

Книга Вторая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б11

Б. Житков
Б11 Виктор Вавич: Книга Вторая / Б. Житков – М.: Книга по Требованию, 2022. – 176 с.

ISBN 978-5-4241-1977-4

"Лучшее, что написано когда-либо о 1905 годе. Какой стыд, что никто не знает эту книгу".

Б. Пастернак

Эта книга будет открытием для тех, кто знаком с творчеством Житкова только по его произведениям для детей и подростков, она будет шоком для всех, кто ее не читал. "Энциклопедия русской жизни" времен первой русской революции - многочисленные партии, революционеры, интеллигенция, полиция, еврейские погромы, мировоззрение людей той сложной, переломной эпохи.

Роман, написанный удивительным языком, лаконичным, страстным, поразительно современным, "Виктор Вавич" захватывает с первых же страниц. Это чтение нельзя назвать легким, оно требует внимания к каждой детали повествования, но ведь из этих деталей и складывается неповторимая атмосфера времени, неповторимая человеческая жизнь.

ISBN 978-5-4241-1977-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© Б. Житков, 2022

Житков Борис.
Виктор Вавич
Роман
КНИГА ВТОРАЯ
Themistocles

""THEMISTOCLES Neoch films Atheruensis" - замечательно, как понятно!" - думал Коля под одеялом и - простыня чистая, скользкая - поерзал ногами

"Themistocles - Фемистокл, Neoch - Неокла, films - сын, Athemensis значит афинянин Завтра вызовут, и аккуратным голосом начну Themistocles Neoch films - прямо как по-русски Ужасно хороший язык!"

Коля перекрестился под простыней, с радостью, с уютом, как в домике Поглядел на образ, завернул назад голову Высоко в углу еще поблескивало из полутьмы золото, и Бог какой милый - и показалось, что дремлет в углу Нет, все равно все видит так, опустил веки и все-таки вниз в щелку все видит И знает, что Коля писал в углу на стенке карандашиком стишки такие глупостные И стихи отбились в памяти и застучали в ногу, как солдаты. Раз, и снова и снова

Коля потерял головой о подушку - и вот это слышит, слышит Бог. И за грехи накажет, и нельзя вытряхнуть из головы стихов, это они сами, сами. А вдруг мама умрет. Сейчас вот шуршит новым коленкором, и видно, как мелькает на светлой щелке от дверей - шьет Живая - шьет. Пока еще живая и вдруг - и вот треплешь за руку "Мама, мамочка, милая, ну, милая, миленькая, родная" и у Коли навернулись слезы и застыло дыхание в груди. Рвать, рвать за руку, и она молчит, как ни зови; плакать, биться в нее головой: "Мулинька, сказать, - миленькая мулинька!"

- Мулинька! - задел вдруг голосом Коля. Стул двинула и с белым коленкором вбежала и распахнула за собой свет из столовой:

- Что ты, что ты? - и наклонилась.

Коля жал к себе голову, мамины волосы, судорогой, со всей силы, а мама держала неловко, на отлете руку.

- Не уколись!

А Коля давил губами мамино ухо и шептал:

- Мамочка, милая, не умирай, ни за что, никогда! Я не знаю, что сделаю, не умирай только, мамочка! Пожалуйста! - Коля прижал мокрое лицо и замер. Шептал неслышно: - Не смей! Не смей! Не смей!

Заклинал.

- Больно, задушишь! Не сходи с ума, - высвободила голову, - не умру. Хочешь, чтоб не умерла, - ложись и спи, - и целовала в мокрые глаза.

А когда снова села на стул под лампу, ворохом нескладным встали мысли над головой и два раза наколола палец.

А Коля в темноте сжал, как от боли, зубы и шептал с мольбой и угрозой:.

- Дай, дай же, чтоб не умерала... никогда! Дай, Господи, говорю, чтоб никогда, никогда.

Сжал крепко веки, чтобы придавить, прищемить свое заклятье, и темно-синие пятна заплавали в глазах.

И вдруг проснулся: там за дверью отец говорил сдавленным голосом, хриплым шепотом:

- Я ж тебе говорю, говорю, говорю: невозможно! Как же, к черту, я не передам?

Ведь говорю же тебе: свои, свои, наши, телеграфные. Питер мне стучает, я же на слух принимаю.

Мать зашептала, не разобрать.

Коля весь вытянулся, сердце сразу заколотилось, умерли ноги, а шея натянулась, вся туда к двери.

Мама шепчет, шепчет, скоро, торопливо. Вдруг отец по столу - охнула посуда - Коля не дышал.

- У других не один, а пятеро ребят. Невозможно! Понимаешь! Сказано: не передавать, кроме своих! Да, да, и буду!.. А будет, будет, что всем, то и мне будет. Сегодня было В. П. Да, да, мне вот, сейчас ночью. Знаешь В. П.? Давай, значит, прямой провод - высочайший приказ. В. П. давай Тифлис... Чего тише? Все равно. Да, да, и шиш, шиш дал. Ну, вот, реви, пожалуйста. Ревы, реви!

Мама всхлипывала, папа мешал в стакане. Все мешал скорей и скорей. Вдруг двинул стулом, шагнул, распахнул двери, вошел и волок ногой мамино шитье белое, стал шарить на столе.

- Расстреляют! - всхлинула мама. Коля дернулся, затряслась губа и заикнулась, весь толкнулся от этого слова, от маминого голоса.

- И к черту! - крикнул папа во весь голос в двери. Стал закрывать двери и швырнул ногой в столовую белое шитье. Лег, заскрипел кроватью, зло заскрипел, показалось Коле. Еще поворочался. Чиркал, чиркал спички, ломал. Закурил. И при спичке Коля увидел лицо отца, как из тяжелого камня, и пегая отцовская борода будто еще жестче - из железной проволоки. Стало тихо, и слышно было, как мама плакала, как икала.

Коле хотелось встать, пойти к маме, но не смел. Раздувался огонек, и отец дышал дымом.

- Вася, Вася, Васечка! - около самих дверей перебойчатым голосом, жалобным таким, сказала мама.

"Неужели папа..." - подумал Коля и дернулся на кровати навстречу голосу. Но папа уж вскочил, уж отворил двери.

- Ну, Глаша, ну, ей-богу, ну что же в самом деле?

А мама вцепилась в плечо, ухватилась за подтяжку, цепко, ногтями и тычется головой.

Папа одной рукой держит, а другой повернул выключатель. Коля сидел уж на кровати и глядел и шептал то, что папе надо говорить.

Сели на кровать.

- Ну как тебе объяснить? - говорит папа. - Ну все, все же; я ж тебе говорю: завтра конки станут, а послезавтра лавки закроются - ну все, все люди! - и папа уже обращался к Коле.

И Коля мотал утвердительно головой, чтоб мама скорей поверила и перестала плакать.

- Ведь вот ребенок же понимает.

Мама заплаканными глазами глянула на Колю, глянула как девочка, с вопросом, с охотой верить, будто он старше, и Коля закивал головой.

- А спросят, скажу: как все, так и я. Нельзя же весь народ перетопить! Это никакого, знаешь, моря не хватит, - и папа даже засмеялся.

И мама сквозь слезы старалась улыбнуться, все держась за папин рукав. Коля со всей силы весело сказал:

- Ну да, не хватит!

- Спи ты! - сказала мама и махнула на Колю рукой. Коля мигом лег: быстро и форменно, руку под щеку. - Ну не дури! - и уже улыбка у мамы в голосе.

"Слава Богу, слава Богу", - думал Коля и жмурил глаза и задышал, как будто вылез из-под воды.

Семга

ПЕРВЫЙ раз это было давно, в первую же субботу, как только Виктор получил околотов. Виктор шел мимо домов, как по своему хозяйству, и строго заглядывал в каждые ворота. Дворники стряхивали с запревших голов тяжелые шапки и держали их на горсти, как горшок с кашей. И пар шел из шапок. Виктор оглядывал каждого и едва кивал. Сам попробовал замок на дверях казенки. Зашел в гастрономический магазин. Электричество чертовское, кафельные стенки, мраморные прилавки, дамы суетятся и с игрушечной лопаточки пробуют икру. Полусаженные рыбины лоснятся красным обрезом. Дамы косили глаза на Виктора. Вот сняла перчатку и мизинчиком, ноготком отчерпнула масла, пробует, а приказчик, пузатый шельма, в глаза смотрит и уговаривает.

"А если всучает гниль всякую? А они, голубушки, берут. Вот как торопится увернуть, подлец. Чтоб не опомнилась".

- Что это ты заворачиваешь? - покрыл все голоса Виктор. Все оглянулись. У приказчика стали руки.

- Колбасу-с.

- Которую? Покажи! Пардон, сударыня, - и Виктор протиснулся к прилавку. - Гниль, может быть, всякую суете... жителям... города.

Виктор, не жалея перчаток, взял колбасу. Поднес, нахмурился, к носу. В магазине все притихли и смотрели на квартального.

- Отрежь пробу!

- Здесь пробовать будете? - спросил приказчик вполголоса.

- А где же? На улице? - закричал Виктор.

Приказчик как вспорхнул с испугу, вскинул локтями: брык! - отмахнул тонкий кружок колбасы, протянул на дрожавшем ножике. Виктор, глядя на верхнюю полку, важно сосал ломтик.

- То-то! Смотри мне, - и швырнул за прилавок недоеденную половинку.

И тут же хозяин, борода, тихий голос:

- Не извольте беспокоиться.

- Позвольте, - и Виктор обернулся влоборота к публике, - на обязанности наружной полиции, - и покраснел, чувствовал кровь в лице, - на обязанности следить за правильностью торговли. А то ведь такое вдруг, что случаи отравления.

- Справедливо-с, - говорил хозяин и кивал туловищем, - совершенно справедливо, бывают такие случаи, но только не у нас. Товар первосортный! и хозяин провел рукой над прилавком. - Отведайте, чего прикажете.

И убедительно и покорно говорил хозяин. Уж публика снова загомонила. И Виктор слышал, как будто сказала дама:

- Действительно, если б все так серьезно. И ведь в самом деле бывают случаи.

И Виктор с серьезным видом наклонился над стеклянными вазами, а хозяин приподнимал крышки, как будто шапку снимал перед начальством.

- Семужка. Отведаете?
Виктор кивнул головой. Тонкий ломтик душисто таял во рту.
- Нет, уж у нас, знаете... Виктор кивал головой.
- А то ведь, - шептал хозяин, - для публики ведь смущенье, помилуйте! За что же скандал делаете? Виктор глянул на хозяина.
- Слов нет, бывают случаи, - шептал хозяин. Обиженно вздохнул.
- Всегда замечательная, ей-богу, замечательная, - сказал Виктор.
- Плохого не держим, - надутно говорил хозяин. Глядел в сторону и ножиком барабанил по мрамору. Виктор вынул платок и обтер губы.
- Помещение смотреть будете? - Хозяин уж кивал распорядительно приказчиком: дергал вверх подбородком.
- Нет, уж другой раз.
- Как угодно-с, как угодно-с. А то можно. Как вам время. Очень приятно.
- До свиданья! - Виктор боком кивнул и стал протираться сквозь публику. На дам не глядел.
- Честь имеем. Очень приятно. Очень даже великолепно-с, - говорил вслед хозяин.

"Надо было додержать до конца строгость", - думал Виктор на улице и от досады ступал с размаху. Стукал панель.

"Вышло, будто он меня объехал, - думал Виктор, - все дамы так, наверно, и подумали", - Виктор вынул из кармана свисток.

- Т-р-р-р-рук! - и прикрыл пальцем дырку: благородно, коротко и приказательно.

Городовой сорвался с перекрестка, подбежал, вытянулся.

- Смотри мне. Чтоб в одиннадцать все лавки крыть. Ни минуты мне, без за-тяжек! - И сам не знал, что кивал свистком на лучезарную витрину, на серебряные колбасы. - Где народу натолклось, предупреди, пусть как хотят там, черт их дер: в одиннадцать - шторы и на замок. Порядок нужен.

- Слушаю, - сказал городской. - Всех крыть прикажете?

- Всех! - крикнул Виктор. - К чертям собачьим, - сказал Виктор уже на ходу.

Груня к вечеру ждала гостей. Новые знакомые. Все было новое. Новые часы в кухне помахивали маятником, чтобы не стоять на месте, когда все весело суется. Груня приседала около духовой, а Фроська держала наготове полотенце: а ну пирожки поспели - вынимать. На полке новые кастрюли, казалось, звенели отблеску. Из духовки горячим ароматом крикнули пирожки.

- Давай! - Груня дернула полотенце, шипела, обжигалась и тащила лист из духовки. - Фрося! Фрося! Фрося!

Фроська махом брякнула табурет. Пирожки лежали ровными рядами и дышали вкусом, сладким духом.

Груня, красная, присела над горячим листом, замерла - любовалась на пирожки, как на драгоценные камни. Фроська, наклонясь из-за плеча, тянула носом.

В дверь стукнули. Обе дрогнули. И сейчас же незапертая кухонная дверь распахнулась, и шагнул мальчик в белом фартуке поверх тулупчика. На голове доска.

- От Болотова это. Надзиратель здесь живуть? И мальчик сгрузил доску на стол, снял длинный сверток, увесисто шлепнул сверток об стол.

- Это чего это там? - Груня тыкала пальцем сверток.

- Надзиратель заходили, сказали на дом снесть. Не знаю, как бы не семга.
Груня нюхала: сверток пах морозом, бумагой, приятной покупкой.
- До свиданьице! - мальчик взялся за дверь.
- А сколько следует? - крикнула Груня.
- В расчете-с, - сказал мальчик и улыбнулся лукаво и весело Груне в лицо.
- Пирожочков, пирожочков! - Груня схватила пару пирожков, перебрасывала их из руки в руку и кричала: - Ну скорей! Фартухом, фартухом бери: обожжешься. Как не требуется? Бери! Ой, брошу!

Мальчик, смеясь, подхватил пирожки в передник и бойко выбежал за порог, застучал по ступенькам и с лестницы крикнул:

- Очень вами благодарны!

- На морозе не ешь, простудишься, - крикнула Груня в двери и поспешила к свертку. Не терпели пальцы, срывали бумагу.

Чем богаты

- НИКОГО еще нет? - шепотом спросил Виктор в сенях и обдал горячую Груню свежим воздухом от шинели.

- Никого еще. Подсуши рукав, - Груня держала на отлете масляные руки и подставляла Виктору локоть - красный, довольный, веселый локоть. - Там поставлено! - Груня мотнула головой на дверь и пустилась по коридорчику в кухню.

В столовой на блестящей скатерти хором сияли стаканы, рюмочки, новые ножички. Расчесанная сеledка и аккуратной цепочкой кружочки луку. Маринованные грибки, как полированные, крепко глядели из хрустальной мисочки.

Виктор залобовался. Потушил электричество, зажмурился и снова зажег, чтобы сразу и заново глянуть. Обошел стол, подровнял ножички, вилочки, поправил один грибок, чтоб головкой вверх. Он шатал головой, чтоб блеск бегал, переливался по стеклу, по блюдечкам. Догадался, качнул над столом лампу: он смотрел, а блеск перебегал волной, играл приливом-отливом.

Придвинутые стулья ждали гостей.

Позвонили. Виктор торопливой рукой остановил лампу, побежал встречать.

В дверях стоял молодой человек с красным лицом в форменной почтовой фуражке. Фроська, распахнув дверь, держалась за ручку мокрым мизинцем.

- Можно? - и молодой человек лукаво смеялся.

- Пошла, - шепнул Виктор Фроське. - Прошу, - крикнул Виктор и пригласил рукой.

- Проходи, Жуйкин! - крикнул голос сзади, и Жуйкин, споткнувшись о порог, влетел в сени. Другой чиновник, постарше, с поднятым воротником, тщательно закрывал дверь на французский замок. Он запотелыми очками глядел на Вавича.

- Здоровиссимо! Ничего не бачу, хучь дивлюся кризь окуляры! - поднял брови на рябом лице.

- И чего хохлит? - смеялся Жуйкин. - Фамилия Попов, а после кружки пива начинает заламывать.

- Зачем же по дороге-то заходить, господа! - Вавич качал головой. Ей-богу, обидно, - и стаскивал с гостей пальто. - Пожалуйте, - Виктор едва сдерживал улыбку ожидания.

Попов протирал синим носовым платком очки и шурился на стол:

- Нет, побачь, каких Лукуллов понаставил! Виктору улыбка рвала губы.

- Чем богаты.

Жуйкин потирал руки и кланялся спиной: столу, стенам. Рыжие волосы редким бобримом блестели от помады, блестел тугий воротничок и пуговики на форменной тужурке.

- А где же изволит хозяйюшка? - и Жуйкин опять поклонился и шаркнул слегка.

- Аграфена Петровна просит прощенья, сию минуту, - и Виктор тоже кивнул спиной, как Жуйкин.

Попов теперь уж через очки разглядывал стол, потом пощупал печку, вертел головой, осматривал стены.

- Ты что же, как кредитор, углы обшариваешь? - и Жуйкин фыркнул, как будто вспомнил анекдот.

- Бачу, часов не было, - и Попов тыкал в воздухе пальцем на новые часы. - Ось! ось! - тыкал Попов и слегка приседал в коленях с каждым тыком.

- Простите, момент! - Виктор шаркнул и выскочил в двери. Слышно было из коридора, как он говорил громким шепотом: - Грунюшка, Груня! Пришли ведь. Водку-то хоть сюда подай.

Виктор вернулся с запотевшим графинчиком. Лимонные корочки желтыми мушками плавали поверху.

- Пожалуйста, господа! - и Виктор отодвинул стулья.

- Нет, уж как же без хозяйки, - сказал Жуйкин. В это время за дверь по коридору легко, торопливо пробежали Грунины шаги. И гости, и Виктор улыбнулись в одну улыбку.

- Пока нет дам, - вдруг оживился Попов, - господа, пока без дам, вот один случай; ей-богу, не анекдот. Все сдвинулись в кучку.

- Понимаете, приходит к доктору один еврей... Виктор оглянулся на дверь. Попов понизил голос.

- Приходити, понимаете, говорит: гашпадин доктор! У моей зыны...

Жуйкин хихикнул.

- У моей зыны, - совсем шепотом сказал Попов, - гашпадин доктор, у моей зыны такое...

В это время затопали Грунины каблучки.

- Ну, потом, - замахал рукой Попов, и все расскочились в стороны, глядели на дверь, запрятав плутовство. Груня прошла мимо.

- Так он говорит, - зашептал со своего места Попов, - у мой говорит, зыны такое, знаете, бывает... - и потряс кулаком, - такое бывает...

И снова Грунины шаги, и распахнулись двери, и красная, запыхавшаяся, в розовом платье с алым бантом, вошла Груня.

Наоборот

ЖУЙКИН сделал пол-оборота на каблуках, шагнул, откинувшись назад, шаркнул в сторону, оттер Попова.

- Сердечной хозяйке душевный привет, - и склонил талию. Груня весело улыбалась на рыжий бобрим. Жуйкин медленно нес Грунину руку к губам. Попов топтался в очереди.

- Здоровеньки булы! - тряс головой.

Виктор с торжеством и завистью глядел, как прикладывался к ручке Жуйкин.

Потом Попов встряхивал Грунину руку, будто старому товарищу. Не удержался и неловко чмокнул в большой палец.

- Аграфена Петровна, ведь и мы не здоровались. Виктор шаркнул и поцеловал Груню в ладонь.

- Ну садитесь, садитесь, чего же вы? - и Груня зашуршала платьем к своему месту.

- А як же... - начал Попов, - це вже... закон, одним словом.

- Вы что? - засмеялась Груня. - Тарас Бульба какой! Жуйкин фыркнул, захолопал в ладоши:

- Расскажу, расскажу! Всем на службе расскажу. Бульба! Садись, Тарас!

- Витя, наливай, - командовала Груня.

- После трудов праведных, - приговаривал Попов.

- Да знаете, сегодня пришлось-таки, - говорил Виктор, аккуратно разливая водку, - представьте: битком народу в колбасной...

- Изыди все нечистое, останься един спирт, - сказал Попов и хлопнул рюмку.

- Ваше здоровье, - поднял рюмку, оборотясь к Груне, Жуйкин.

- Грибочков, - сказала Груня и кивнула Жуйкину.

- Да, - повысил голос Виктор, - битком! Еле протолпился. Ведь надо же знать, чем они там удовлетворяют потребности населения - дрянью, может быть. Иду. "Что здесь, - спрашиваю, - делается? Хозяина сюда!" - "Хозяина?" - "Так точно. Показать все!" - Публика вся на меня. Хозяин: "Не извольте беспокоиться, ваше благородие". - "Знаем, - говорю, - вас!"

- Наливай же, Витя, ждут! Виктор взялся за графинчик.

- Да... "Знаем, - говорю, - вас. Это у вас колбаса? Пробу! Ветчина? Пробу сюда". И пошел. "Огурцы? Селедка? Рыба?.."

- Ах, дура я какая! Самое-то главное! - Груня вскочила и, плескал руками, побежала к двери. Все, улыбаясь, глядели вслед.

- Хозяйственный казус! - Жуйкин поднял палец, прищурился.

- Да! - напер голосом Вавич. - Вижу - семга. Этакая рыбина. А вдруг полвека лежит? Пробу! Пожалуйте. Взял в рот - тает. Как сливочное мороженое. И вот этакая... - показал рукой.

В это время вошла Груня. С таинственной и радостной улыбкой несла длинное блюдо. Все глядели то на Груню, то на стол: куда поставить.

Жуйкин вскочил:

- Легка на помине! - он отодвигал тарелочки, очищал место, помогал Груне втиснуть блюдо.

Вавич глядел на семгу, высоко подняв брови. Брови шевелились, как черные червяки. Груня никогда такого не видела. Она глядела на Виктора, слегка бледная, подняла руки к груди.

- Откуда? - в тишине послышалось. Не верилось, что Виктор сказал.

- Принесли. Мальчик. Ты думал - назавтра? - всем духом спросила Груня.

- Наоборот! - сказал Виктор. Будто визгнул. Груня мигала на него заботливыми глазами, а Виктор сжал над столом кулак, так, что заскрипели пальцы.

Жуйкин улыбался со всей силы и поворачивал улыбку то к Груне, то наставлял ее на Виктора. Попов поднял над очками брови и глядел в тарелку, барабанил

осторожно пальцами по скатерти. Груня стояла, поставив край блюда на стол, и все глядела на Виктора.

- Принять? - спросила Груня.

- Да, да, - закашлял словами Виктор. - Ставь, ставь... Как же, как же... Конечно... на стол.

Груня поставила семгу. Семга конфузливо блестела жирной спиной и была без головы.

Груня подперла обеими руками подбородок, через весь стол протянула взгляд к Виктору.

- Пожалуйте, - сказал сердито Виктор и зло кивнул подбородком на блюдо.

- Так ее! - сказал Жуйкин. - За ее здоровье выпить, а за свое закусить. Ею же и закусить. Верно? - обернулся он к Попову.

Жуйкин схватил графинчик.

- Разрешите? - и налил всем. - За здоровье семги!

- Благодарю... - буркнул Виктор и рассеянно вылил в рот водку.

Груня все глядела на Виктора.

- Угощай... нарезано, - сказал Виктор. Груня не двигалась.

- Позвольте вам, - и Жуйкин положил плоский, как дощечка, ломтик на тарелку Груни.

- Позвольте, я вам расскажу случай. А вы мне, вот в особенности Аграфена Петровна, скажите, законно ли я поступил. По-моему, по всему закону. Представьте... Нальем еще? - обратился он к Виктору, и Виктор вдруг схватил графин, вскочил и стал обходить, наливать, туго покраснев до шеи. Так вот, - продолжал Жуйкин, - познакомился я в танцклассе с барышней, с блондиночкой, чудно танцует "Поди спать" - это мы так зовем падэспань - и так и сяк, разговорчики, шу-шу, и вот, понимаете, сию я сегодня как всегда на "заказной" - подают письмо в окошечко, - Жуйкин оглядел всех.

- Да, да, в окошечко, - повторила Груня, оторвавшись глазами от Виктора.

- Так подает кто-то в окошечко письмо. Написано: "Заказное. Петру Николаевичу Жуйкину". Вижу: дамская ручка. Хотел глянуть - уж повернулась. Я кричу: "Сударыня! Подательница!" Тут кто-то из очереди за ней: "Сударыня! Сударыня!" Привели. Подходит красная. Смотрю - та самая: падэспань. Я говорю: "Как же вы так рассеянны, мадамзель, потрудитесь написать: город, село, волость, улицу, имя и адрес отправителя". И сую ей перо. Все смотрят. А я говорю: "И две почтовые марки семикопеечного достоинства". Ну как, по-вашему, я должен был поступить? - и Жуйкин уперся в бедра, расставил локти и оглядел всех.

- Да, да... - серьезно кивнул Виктор, - семикопеечного достоинства. Кушайте! - и опять кивнул на семгу.

Играли в стуюлку и запивали пивом. Виктор зло ввинчивал штопор в пробку и, сжав зубы, выдергивал пробку, наливал, запрокинув вверх доньшко, переливал и вдва глотка кончал стакан.

- Врешши! - шипел Виктор и стучал картами об стол. Он красный, потный сидел боком к столу. Попов слепо поглядывал через очки и домовито совал выигрыш в жилетный карман. А Виктор злей и злей загибал ставки.

- Мы ее, а она нас. А ананас! - приговаривал Жуйкин, кидая карту.

Груня подошла, положила Виктору руку на погон. Но Виктор круто повернулся к столу, наклонился над картами, увернул плечо.

- А это собака? - и открыл карты. И глотал, глотал холодное пиво.

Было половина второго, когда Виктор повернул два раза ключ за гостями и вошел в кабинет. Он слышал, как за дверьми Груня звякала, убирала со стола. Виктор прошел по комнате два раза из угла в угол. Услыхал, как пачкой ножики, вилки бросила Груня на стол и вот отворила дверь. Виктор пошел, чтоб быть спиной к двери.

- Витя, миленький! - всей грудью шепнула Груня, обошла, взяла за плечи.

Виктор зло глянул ей в глаза и стал, нахмурился, глядеть на папироску.

- Ты из-за семги? - Груня глядела, распялив веки, Виктору в опущенные глаза. - Родной мой! Витенька мой родной! Ты не хотел!

Виктор повернулся, шагнул:

- Я знаю, что мне делать, - швырнул окурок в угол.

- Витенька, так ведь как же! Мальчик принес. Я ведь думала - ты прислал. Радовалась. Он так и сказал - надзиратель велели передать. Витенька!

- Вон! - заорал Виктор на всю квартиру. - Вон его, мерзавца, гнать, вон! В три шеи сукина сына. К черту! - и так топнул ногой, что зазвенело на столе. - К чертям собачьим! - и Виктор треснул, что силы, кулаком по столу.

Груня глядела во все глаза. Слышно было из кухни, как осторожно побрякивала, мыла тарелки Фроська.

- Ты понимаешь? Ты по-ни-ма-ешь? - злым шепотом хрипел Виктор. Пони-маешь, что это? Я ему, мерзавцу, морду набью... завтра... в лавке... при всех. Свволач ка... кая!

- Зачем? Зачем? - говорила Груня. И вдруг засмеялась. - Да там три фунта, три с половиной через силу, семги этой, ну, пять с полтиной. Заплатим пять с полтиной. Я свешу, не больше полфунта съели, я сейчас! - И Груня хотела уж бежать.

- Грушенька, - крикнул, давась, Виктор, - милая. Груня метнулась к Виктору, наспех попала поцелуем в бровь и крикнула уж из коридора:

- Стой, стой, я сюда принесу, взвесим. Виктор как выдулся весь и тряпкой плюхнул в кресло. Он часто дышал и повторял:

- Грушенька, Грунечка! - И сам не знал, что слезы набежали на глаза розовым маревом показалась Груня в дверях. По-домашнему звякал безмен о блюдо.

Руки

ЛЕГКИМ, будто даже прозрачным, встал утром Виктор. Бойко печка гудела в углу, и слышно было, как рядом в столовой пузырил самовар. Виктор надевал свежую белую рубашку, прохладную, и смотрел на узорный мороз на окне, пух белый и нежный. Услыхал, как Грунечка поставила чайник на самовар: ручкой, наверно, в рукаве в широком, с кружевом. Заспешил. Терся под краном ледяной водой, запыхавшись.

- Витя! Видел, я тебе рубашку положила, - Грунин голос.

- Да, да! - начерно крикнул Виктор, хотелось скорей начисто, как по белому снегу, подойти, поздравить с днем, всей душой сесть за чай с Грунечкой.

"Грунечка у меня какая", - думал Виктор. Одернулся, поправил еще раз волосы и вступил в столовую.

Как целый цветник встала навстречу Груня в синем капоте с цветами, с кружевами, и сверху, как солнце над клумбой, Грунина улыбка, и теплые Грунины руки мягко взяли за затылок, и Виктор целовал руки куда мог, куда попевал, и хотелось, чтоб еще больше, чтоб совсем закутали его руки.

Груня подала стакан, и розовое солнце дернуло по замерзшим стеклам, и розовым светом ожила посуда, розовый пар кокетливо вился над стаканом. На минуту стало совсем тихо, и Виктор держал и не брякал ложкой.

- Ты посмотри, я тебе положила пять рублей в бумажник, - и Груня кивнула подбородком на боковой карман - Виктор застегивал шинель, - за эту, знаешь, - и Груня покосилась на Фроську. А Фроська просовывала под погон портупею.

- Прямо к нему, к каналье, - тряс головой Виктор, - сейчас же, пожалуйста... А ну-ка, милостивый государь, - Виктор съезжил брови и сделал на лице "решительность". - Счастливо оставаться, - шаркнул Виктор в дверях и козырнул.

С портфелем под мышкой вышел Виктор на улицу. Дворники скребли панели, и, прыгая через скребки, спешили мимо них гимназисты. В конце улицы, прямо по середине над уходящими рельсами, висело красное солнце, как будто оно вошло в улицу и остановилось от любопытства и радости. И Виктору показалось, что все спешат в конец улицы глядеть солнце. Снег неистово горел, и едко брал за щеки мороз.

Виктор жмурился от света, улыбался и составлял в уме: "Почем у вас семга? Так-с. Потрудитесь немедленно выписать счет на три с половиной фунта... фунта этой рыбы... "вышеупомянутой" не годится. Этой рыбы", решил Виктор и завернул за угол.

Солнца не стало.

В магазине все лоснилось прохладной чистотой. Покупателей не было. Старший приказчик снял кожаный картуз, отставя мизинец. Оперся на прилавок почтительно, ожидательно. Виктор кашлянул для голоса и строго сказал:

- Хозяина мне.

- Простите, только вот вышли за товаром-с.

- В этом случае, - и Виктор нахмурился, - напишите счет на семгу, на три с половиной этой рыбы... фунта семги. Немедленно.

- Без хозяина невозможно-с. Свесить прикажете? - и приказчик взялся за нож.

- Вчера ошибочно была получена мною семга, от вас, от Болотова. Виктор покраснел и сдвинул брови. - Неизвестно, что ли?

- Не упомню-с! - и приказчик пошарил глазами по мраморному прилавку.

- Мной, - крикнул Виктор, - мной! - В это время звякнула входная дверь, а Виктор кричал: - Мной ошибочно не было заплачено за три с половиной фунта вышеупомянутой рыбы! Понял! Получай! Сколько?

Дама в ротонде, вязанный платок на голове, испуганно глядела сбоку на Виктора.

- Ничего нам не известно, как же получать? Никак невозможно. Это уж с хозяином извольте.

Приказчик не глядел на Виктора, сырым полотенцем тер прилавок все дальше и дальше. А Виктор вытягивал, вырывал бумажник из-за борта казакина.

- Получай!

А приказчик наклонился куда-то, за банками с огурцами и миногой, за разноцветным маринадом.

- В участок... вызову для вручения! - кричал Виктор.

- Это уж с хозяином, - подавал глухой голос приказчик. Виктор вышел. Он видел, как дама провожала его глазами, как поворачивалась ему вслед малиновая